

Цзи Цзинь ставил камни с невероятной скоростью. Как бы ни пытался противостоять ему Сюэ Чан, соперник мгновенно делал следующий ход, словно заранее знал все варианты развития партии. Десятки ходов спустя разрозненные черные камни слились в единое целое, взаимно поддерживая друг друга. Даже тот ход, который Сюэ Чан в начале посчитал жертвой, в итоге не стал лишним, а оказался ключевым.

Когда игра перешла в среднюю фазу, Сюэ Чан понял, что Цзи Цзинь одержал победу.

По натуре Цзи Цзинь был осторожен, и на завершающем этапе, требующем точного расчета, он редко ошибался. Это качество даже отмечали старые цидайджао из Академии Ханьлинь. В их прежних встречах, если Сюэ Чану не удавалось захватить значительное преимущество в дебюте или миттельшпиле, ему было почти невозможно одолеть Цзи Цзиня при подсчете территории.

Сюэ Чан бросил белый камень обратно в коробку. Цзи Цзинь понял жест: партия закончена, результат очевиден и не требует озвучивания.

Сюэ Чан посмотрел на Цзи Цзиня с многозначительной улыбкой и произнес:

— Шэньчжи, твой уровень игры в вэйци улучшился настолько, что я глубоко удивлен.

Цзи Цзинь, продолжая собирать камни, ответил:

— Если Ваше Величество имеет в виду эту партию, то не стану скрывать: это простое совпадение. Несколько дней назад я изучал именно эту древнюю запись партий.

— О? — Сюэ Чан сразу проявил интерес, выпрямился и спросил. — Чэн Шиюань говорил, что нашел этот древний трактат случайно, перебирая книги в хранилище. Как известно, фонд Академии Ханьлинь — самый полный и обширный в государстве. Откуда Шэньчжи о нем узнал?

Цзи Цзинь улыбнулся:

— Совпадение. Во время этой поездки я познакомился с другом, тоже любителем вэйци. Как раз он и нашел эту окончательную позицию в старой книге, счел её интересной, и мы вместе её изучили.

— Это тот самый друг, который больше месяца жил и путешествовал вместе с тобой? — Сюэ Чан посмотрел прямо в глаза Цзи Цзиню, губы его слегка изогнулись в полуулыбке.

— Именно он, — кивнул Цзи Цзинь и улыбнулся. — Ваше Величество, как всегда, осведомлены обо всем.

Сюэ Чан опустил взгляд и произнес:

— Впервые слышу, что Шэньчжи может быть так близок с кем-то.

— Просто наши характеры совпали, нам легко говорить друг с другом, — ответил Цзи Цзинь.

Сюэ Чан снова посмотрел на него, красивые брови изогнулись, и он спросил:

— Как его зовут?

Личные агенты Сюэ Чана были обучены самим Цзи Цзинем. Каждый раз, когда Цзи Цзинь

отправлялся в путь, его передвижения фиксировались и докладывались Сюэ Чану. Это не было вопросом доверия или недоверия, просто монарху необходимо досконально знать своих подданных, особенно тех, кто занимал высокие посты и был незаменим. Особенно тех, кого нельзя было потерять и кто не мог предать.

Оба они понимали это. Поэтому Цзи Цзинь не испытывал ни удивления, ни обиды от того, что Сюэ Чан, находясь вдалеке от двора, знал, где он бывал, с кем встречался и что делал.

Однако, что касалось Цзи Цзиня, Сюэ Чан ограничивался лишь этой информацией. Более детальных сведений он не требовал, так как был уверен: если возникнет необходимость, Цзи Цзинь расскажет всё сам.

Сюэ Чан никогда не боялся, что Цзи Цзинь что-то скрывает. Если тот не говорил чего-то, значит, считал это неважным для себя или для императора.

Поэтому Сюэ Чан знал о существовании этого человека, но не знал его имени и того, какой он был. Не зная, но желая узнать, он просто спросил.

Таков был принцип общения между ними.

— Его зовут Му Юань, прозвище Юньчжи. Он уроженец Цяньтана. Его отец, Му Цяньчжэн, служил в столице в должности сяошулана, — подробно ответил Цзи Цзинь.

— А почему сейчас он не при дворе? — спросил Сюэ Чан.

— Му Цяньчжэн уехал в родные края для соблюдения траура, но потом по неизвестной причине так и не вернулся, — произнес Цзи Цзинь.

— Как думаешь, какова причина? — Сюэ Чан знал, что Цзи Цзинь, должно быть, уже всё проверил и имеет свой ответ.

Цзи Цзинь улыбнулся и сказал:

— Траур Му Цяньчжэна закончился как раз в год, когда Ваше Величество взошел на престол.

— Вот как, — Сюэ Чан сразу понял, улыбнулся и спросил. — А как проявлял себя этот Му Цяньчжэн на службе?

— Это был весьма честный и прямой человек, относился к делам крайне серьезно и не участвовал в придворных интригах. Только в некоторых вопросах был довольно упрям, — Цзи Цзинь действительно изучил семью Му весьма детально.

— А насчет знаний? — продолжил спрашивать Сюэ Чан.

— Одно его эссе, написанное в седьмом году Тяньцин, вызвало такой ажиотаж, что бумага в Чанъане подорожала, — с улыбкой ответил Цзи Цзинь.

Сюэ Чан с глубоким смыслом произнес:

— Ректор Чжэн из Императорской академии уже в преклонных годах. Пару месяцев назад он подал прошение об отставке и возвращении на родину. Я думаю, пора дать ему ответ.

Цзи Цзинь ответил:

— Ваше Величество правы.

— А какой он человек? — внезапно спросил Сюэ Чан.

Цзи Цзинь и без тени сомнения понял, о ком идет речь, и небрежно ответил:

— Всего лишь одержимый игрой в вэйци.

Сказав это, Цзи Цзинь слегка опустил ресницы, убирая последние камни с доски. Движения были размеренными, сила нажатия — умеренной.

Сюэ Чан смотрел, как он убирает последний камень, и вдруг тихо рассмеялся:

— Слова Шэньчжи звучат не совсем искренне. Должно быть, этот человек значит для тебя куда больше, чем ты высказываешь вслух.

Цзи Цзинь привел в порядок коробку с камнями, поднял глаза, встретившись со взглядом Сюэ Чана, в котором читались доля любопытства и лукавство, слегка приподнял уголки губ и спокойно произнес:

— Ваше Величество действительно прозорливы, от вас ничего не утаишь.

Сюэ Чан тут же вспыхнул интересом:

— Кто же такой этот Му Юань? В этом мире, пожалуй, нет никого, кто удостоился бы столь благосклонного отношения Шэньчжи.

Они знали друг друга с детства, и Сюэ Чан хорошо понимал Цзи Цзиня.

В глазах придворных чиновников князь Синь был бесчувственным правителем. Он действовал беспристрастно, решительно, часто прибегая к жестким мерам. Если чиновник провинился перед ним, пощады ждать было нечего. Поэтому все знали, что просить князя Синь о снисхождении бесполезно, лучше умолять императора проявить милосердие. И только если император говорил слово, князь Синь мог смягчиться. Однако иногда он даже не слушался императора, даже если это вызывало гнев монарха или если провинившимся был его близкий родственник. Поэтому многие втайне называли Цзи Цзиня холоднокровным князем, и среди них были его собственные родичи.

И Цзи Цзинь, и Сюэ Чан знали об этом.

Но чиновники не ведали, что это было частью их договоренности, заключенной в тот день, когда они ступили на путь службы.

Искусство управления государством требует сочетания строгости и милости. Нельзя быть чрезмерно мягким, но и слишком суровым тоже нельзя. Время от времени нужно даровать милости подданным, чтобы они, помимо верности, испытывали благодарность. Для этого необходим человек, способный исполнять волю императора, которую тот не может обнародовать.

Цзи Цзинь и был таким человеком. Он был и мечом, и щитом Сюэ Чана. Он говорил то, что император не мог сказать, делал то, что тот не мог сделать, и брал на себя ту порицательную славу, которую император не мог принять.

Все эти годы Цзи Цзинь справлялся отлично, даже слишком хорошо. В результате он стал

одиноким правителем. Занимая высокий пост и обладая огромной властью, он был совершенно один, без всякой поддержки. Кроме доверия императора, в этом полном опасностей дворце у него не было никакой опоры. Даже за пределами двора Цзи Цзинь был одинок: без родни, без друзей, почти не общаясь с родственниками.

Казалось, Цзи Цзинь не слишком обеспокоен своим положением, но в сердце Сюэ Чана всегда таилось чувство вины. Как император, он не мог найти лучшего подданного, чем Цзи Цзинь. Но как друг, он желал, чтобы Цзи Цзинь обрел больше простого человеческого счастья и радости.

Сюэ Чан прекрасно знал, что Цзи Цзинь не из тех, к кому легко приблизиться. Жить вместе под одной крышей больше месяца — для него неслыханное дело. Даже сам Сюэ Чан, будучи императором, не был так близок с ним, как в юности, когда они могли вести беседы допоздна. После восшествия на престол такие моменты близости исчезли.

Поэтому Сюэ Чана чрезвычайно интересовало, кто же такой этот Му Юань, сумевший заслужить столь теплое отношение холодного и неприступного князя Синя.

<http://bllate.org/book/16684/1531187>